

УДК 81`1:82 – 1 (410.1)

**МЕТАМОРФОЗА В АНГЛИЙСКИХ  
 ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ XIX–XX ВЕКОВ:  
 ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЙ  
 И ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ  
 О.А. Москвичёва (Херсон, Украина)**

**О.А. Москвичёва. Метаморфоза в английских поэтических текстах XIX–XX веков: лингвосемиотический и лингвокогнитивный аспекты.** В статье выявлены лингвосемиотические и лингвокогнитивные особенности формирования и специфика функционирования метаморфозы в английских поэтических текстах XIX–XX веков на основе интегрированного подхода. Установлено, что метаморфоза представляет собой тропеическую синтактико-стилистическую фигуру, при помощи которой осуществляется трансформация превращаемого в превращённое при обязательной экспликации причины изменения – каузатора – и предикатов метаморфозы, воплощающих идею превращения, трансформации, возрождения. Семиотичность метаморфозы установлена посредством анализа разных кодов, зафиксированных в её словесных знаках, а когнитивность – реконструкции концептуального пространства метаморфозы. Доказано, что концептуальное пространство метаморфозы наполнено концептами, концептуальными метафорами и метонимиями. Комплексный анализ функционирования метаморфозы в стихотворных текстах английской поэзии XIX–XX вв. позволил выявить текстообразующую, апеллятивную, мирозозидающую, пространствформирующую, семиотическую функции метаморфозы.

**Ключевые слова:** каузатор, квазиморфоза, когнитивно-семиотическая модель метаморфозы, метаморфоза, превращаемое, превращённое, предикаты метаморфозы, псевдоморфоза.

**О.А. Москвичова. Метаморфоза в английських поетичних текстах XIX–XX століть: лінгвосеміотичний і лінгвокогнітивний аспекти.** У статті виявлені лінгвосеміотичний і лінгвокогнітивний особливості формування та функціонування метаморфози в английських поетичних текстах XIX–XX століть на основі інтегрованого підходу. Встановлено, що метаморфоза являє собою тропеїчну синтактико-стилістичну фігуру, за допомогою якої здійснюється трансформація перетворюваного в перетворене при обов'язковій експлікації причини зміни – каузатора – і предикатів метаморфози, що втілюють ідею перетворення, трансформації, відродження. Семіотичність метаморфози встановлено завдяки аналізу різних кодів, зафіксованих у її словесних знаках, а когнітивність – реконструкції концептуального простору метаморфози. Доведено, що концептуальний простір метаморфози наповнений концептами, концептуальними метафорами і метоніміями. Комплексний аналіз функціонування метаморфози у віршованих текстах английської поезії XIX–XX ст. дозволив виявити текстотвірну, апеллятивну, світотвірну, просторо формувальну, семіотичну функції метаморфози.

**Ключові слова:** каузатор, когнітивно-семіотична модель метаморфози, метаморфоза, перетворюване, перетворене, предикати метаморфози.

**O.A. Moskvichova. Metamorphosis in Poetic Texts of the English Poetry of the 19–20<sup>th</sup> Centuries: Linguistic, Semiotic and Cognitive Perspective.** The article revealed linguosemiotic and linguocognitive properties of metamorphosis formation and functioning in the 19–20<sup>th</sup> centuries English poetic texts on the basis of an integrated approach. I have revealed that the metamorphosis as a trope is syntactic-and-stylistic figure, with the helps conversion of the transformable into the transformed with a mandatory explication of the reasons for the change – its cause – and metamorphosis predicates which embody the idea of conversion, transformation, rebirth. The semiotic metamorphosis character is revealed by analyzing different codes represented in its verbal signs, and its cognitive character by reconstruction of the metamorphosis conceptual space. I have proved that the metamorphosis conceptual space consists

of concepts, conceptual metaphors and metonymies. A comprehensive analysis of the functioning of the metamorphosis in the 19–20<sup>th</sup> centuries English poetic texts revealed text-forming, appellative, world-forming, space-forming, semiotic metamorphosis functions.

**Key words:** cause, cognitive and semiotic metamorphosis model, metamorphosis, metamorphosis predicates, the transformable, the transformed.

## 1. Введение

Статья посвящена исследованию лингвокогнитивных и лингвосемиотических особенностей метаморфозы в английских поэтических текстах XIX–XX веков. Основные положения статьи соответствуют научным исследованиям в русле современной когнитивной парадигмы, что и определяет **актуальность** исследования, которая обусловлена новым ракурсом изучения тропов и стилистических фигур, механизмов их формирования и функционирования в разных периодах поэтического творчества. Основной **целью** статьи является изучение лингвосемиотической и лингвокогнитивной природы метаморфозы путём комплексного лингвостилистического, когнитивного и семиотического анализа её семантической структуры, а также функций метаморфозы в английских поэтических текстах романтизма, модернизма, постмодернизма. **Объектом** исследования выступают особенности формирования и функционирования метаморфозы в поэтической речи. **Предметом** – структурные (синтаксические и стилистические), семантико-когнитивные и лингво-семиотические характеристики метаморфозы в английских поэтических текстах романтизма, модернизма, постмодернизма. **Материалом** исследования послужил корпус английской поэзии общим объёмом 4537 страниц (4560 стихотворений), среди которых 297 поэтических текста содержат метаморфозу.

Эволюционные процессы метаморфозы свидетельствуют о том, что в архаическую эпоху она представляет собой синкретический способ познания мира, а в мифах и фольклоре – форму бытия мифопоэтического смысла, основу возникновения символов. В античных литературных текстах при помощи метаморфозы объясняются причины хода бытия, морально-этические нормы поведения людей. Мифы, в основе которых лежала метаморфоза, выполняли дидактические задачи, служили воплощением назидательных мотивов, правил поведения, что в целом выражалось в присущих им дидактической и регулятивной функциях. Во времена Средневековья, Возрождения и Нового Времени метаморфозы приобретают форму художественного приёма превращения литературных образов и обобщения мифологических превращений в поэтических текстах. А начиная с романтизма метаморфоза окончательно оформляется в тропеическую стилистическую фигуру в английской поэтике.

Первые теоретические исследования метаморфозы связаны с интерпретацией “Метаморфоз” Овидия, который при помощи метаморфозы обобщил древнегреческую мифологию и показал скоротечность бытия человека, изменчивость явлений природы.

В античной поэтике метаморфоза рассматривается как литературный приём, присутствие которого в тексте воплощает мотивы наказания или награды благодаря превращению мифологических или литературных образов. Концепт МЕТАМОРФОЗА становится синонимичным концепту ЭВОЛЮЦИЯ [Степанов 2004: 147]. В русской исторической поэтике на материале славянского фольклора описана синтаксическая и семантическая структуры метаморфозы [Веселовский 2011: 417–495]. В частности устанавливается тот факт, что в основе возникновения

метаморфозы лежит психологический параллелизм, посредством которого человек воспринимал образы окружающего мира и переносил на явления природы своё собственное восприятие жизни. В теоретической поэтике метаморфоза трактовалась как превращение, которое в русском и украинском языках выражено творительным падежом и возвратными глаголами-сказуемыми “становиться”, “обернуться”, “превращаться”, “возродиться”, “воскресать” [Нечуй-Левицкий 2003: 110–121; Потеня 1989: 285–286]. В формальной поэтике метаморфоза изучалась наравне с антитезой, сравнением, метафорой [Якобсон 2000: 83-89], а в структурно-семиотической поэтике акцентировалась способность метаморфозы к объединению реального и воображаемого миров [Лотман 2001: 670-673]. Теоретическое наследие в русле лингвопоэтики послужило толчком к разработке структуры метаморфозы [Дикарева 2003; Крохмальний 1997], которая состоит из входного и выходного образов, а также предикатов превращения. Результаты исследования семантики метаморфозы позволили констатировать наличие классификации предикатов превращения на материале русского языка [Дикарева 2003], логико-семиотической модели метаморфозы на материале украинского языка [Слухай 2005]. В когнитивной поэтике метаморфоза изучалась как способ формирования образного пространства поэтического текста [Белехова 2004].

## 2. Изложение основного материала

В статье описаны лингвосомиотические и лингвокогнитивные особенности формирования и функционирования метаморфозы в английских поэтических текстах XIX–XX веков опираясь на интегрированный подход. Методика нашего исследования метаморфозы состоит из нескольких этапов.

Первый этап отражает обобщение теоретических подходов к изучению метаморфозы в разных научных парадигмах и содержит эволюцию метаморфозы, которые прогнозируют формулировку собственного интегрированного подхода к рассмотрению метаморфозы в английской поэзии. Когнитивный базис метаморфозы раскрывается через выявление концептуальных схем и культурно-смысловых кодов, которые являются основой метаморфоз. Исследование метаморфозы сквозь призму когнитивной и семиотической лингвистики позволило нам построить обобщённую когнитивно-семиотическую модель метаморфозы.

Второй этап исследования заключается в выявлении семантических, синтаксических, стилистических особенностей номинативных единиц, которыми выражены в поэтических текстах превращаемое, превращённое, каузатор метаморфозы, а также тех лексических единиц, которыми выражены предикаты метаморфозы (глаголы в настоящем, прошедшем, будущем времени, активном и пассивном залоге, в форме простых и сложных сказуемых).

Третий этап направлен на выявление когнитивной природы метаморфозы и раскрытие лингвокогнитивных механизмов её формирования. Образосозидательность метаморфозы обусловлена общей доминантной концептуальной схемой НЕКТО / НЕЧТО превращается в ДРУГОЕ. В номинативных единицах превращаемого, превращённого, каузатора реконструированы концепты и концептуальные метафоры с целью создания концептуального пространства метаморфозы.

Четвёртый этап предусматривает выявление символов в превращаемом, превращённом и каузаторе, а также построение семиотических моделей метаморфоз путём определения кодов, зафиксированных в словесных знаках метаморфоз.

Пятый этап направлен на определение функционирования метаморфозы в английских поэтических текстах романтизма, модернизма, постмодернизма. На этом этапе выполнены количественные подсчёты процентного соотношения количества предикатов в стихотворениях с метаморфозой, доминирующих функций, концептуальных схем, кодов. Количественный анализ позволил подтвердить тенденции и изменения, которые происходили в семантической структуре метаморфозы в различные периоды её развития.

Синтаксический и стилистический анализ метаморфозы констатирует многокомпонентный характер её структуры: входной образ – превращаемое, выходной образ – превращённое и предикат превращения. Эти компоненты составляют метаморфозу. В её состав включаем также каузатор, мотивационную основу превращения, которая представляет собой причину, мотив, инструмент, необходимый для осуществления трансформации превращаемого в поэтическом тексте. Превращаемое и превращённое выражены в английских стихотворениях словом или словесным поэтическим образом, предикаты – глаголами-сказуемыми, семантика которых содержит сему “превращения”, “возрождения”, “изменения”, “перехода из одного состояния в другое”. В качестве примера проанализируем фрагмент поэтического текста Э. Бронте:

*“Long neglect has worn away / Half the sweet enchanting smile; / Time has changed the bloom to grey; / Mould and damp the face defile.” [Brontë: 18].*

В аспекте синтаксической структуры метаморфоза выражена простым предложением. Превращаемое (“*bloom*”) и превращённое (“*grey*”) являются дополнениями. В стилистическом плане они являются метонимиями и символизируют “молодость” (“цветение” – “*bloom*”) и “старость” (“седина” – “*grey*”). Глагол-сказуемое в форме настоящего совершенного времени (“*has changed to*”) выражен предикатом превращения, а каузатор – существительным “*время*” (“*time*”) в роли подлежащего. Отметим, что концепт ВРЕМЯ наиболее часто акцентирован как каузатор метаморфозы в английской поэзии. Подобный вывод подтверждён в результатах докторского исследования концепта ВРЕМЯ в англоязычной картине мира Е.В. Бондаренко [Бондаренко 2009].

В зависимости от синтаксической структуры и от места расположения в поэтическом тексте, метаморфозы могут быть простыми и сложными, выраженными распространёнными синтаксическими конструкциями, которые состоят из тропов и других стилистических фигур. Также, выделены локализованные метаморфозы, сосредоточенные в едином фрагменте текста, и дисперсные метаморфозы – рассеянные по всей ткани поэтического текста. Наиболее частотными выявлены сложные и дисперсные метаморфозы. Компоненты таких метаморфоз представляют собой словесные поэтические образы, которые благодаря своей рассеянности вдоль стихотворения придают ему особую экспрессивность. Например, стихотворение М. Колридж “*Gifts*”:

*I tossed my friend a wreath of roses, wet / With early dew, the garland of the morn. / He lifted it – and on his brow he set / A crackling crown of thorn. / Against my foe I*

*hurled a murderous dart. / He caught it in his hand – I heard him laugh — / I saw the thing that should have pierced his heart / Turn to a golden staff* [Coleridge: 563].

В предложенном примере компоненты метаморфоз рассредоточены по поэтическому тексту. Превращаемое первой метаморфозы акцентировано словосочетанием “*a wreath of roses*” (“венок из роз”) и дополнено в стилистическом плане эпитетом “*with early dew*” (“ранняя роса”) и метафорой “*the garland of the morn*” (“гирлянда утра”). Превращённым этой метаморфозы выступает словосочетание “*a crackling crown of thorn*” (“потрескавшийся терновый венец”). Превращаемым другой метаморфозы – словосочетание “*a murderous dart*” (“убийственная стрела”), а превращённым – словосочетание “*a golden staff*” (“золотая стрела”). Предикатом метаморфоз – глагол “*turn to*” (“превратиться”). Компоненты сложных, дисперсных метаморфоз поэтического текста рассредоточены в инициальной, медиальной и финальной его позициях, а предикат, выраженный глаголом “*turn to*”, объединяет две метаморфозы стихотворения воедино. Имплицитность каузатора и символический характер поэтического текста делает возможным вариативность интерпретаций. Обобщённый смысл стихотворения “человек не способен оценить последствия своих поступков” выявлен благодаря противопоставлению обоих метаморфоз, которые являются антитезами, и приёму обманутого ожидания: ХОРОШЕЕ превращается в ПЛОХОЕ (венок из роз в терновый венец), а ЗЛО превращается в БЛАГО (смертоносная стрела в золотую стрелу).

На основании семантического анализа глаголов-предикатов превращения построено лексико-семантическое поле, состоящее из трёх лексико-семантических групп глаголов, ядром которых служат глаголы 1) с семой “*превращения*”; 2) “*возрождения*”; 3) “*изменения состояний*”. Поле построено по прототипическому принципу: в центральную зону помещены глаголы наиболее синонимические к ядерному компоненту, а на периферии размещены глаголы и глагольные словосочетания контекстуально синонимические к ядерным в результате образного переосмысления в семантическом пространстве поэтического текста. Лексико-семантическое поле предикатов превращения охватывает 55 глаголов-сказуемых (см. Рис. 1, где “1” – глаголы с семой “*превращения*”; “2” – с семой “*возрождения*”; “3” – с семой “*изменения состояний*” (sth = something; sb = somebody. – О.М.):

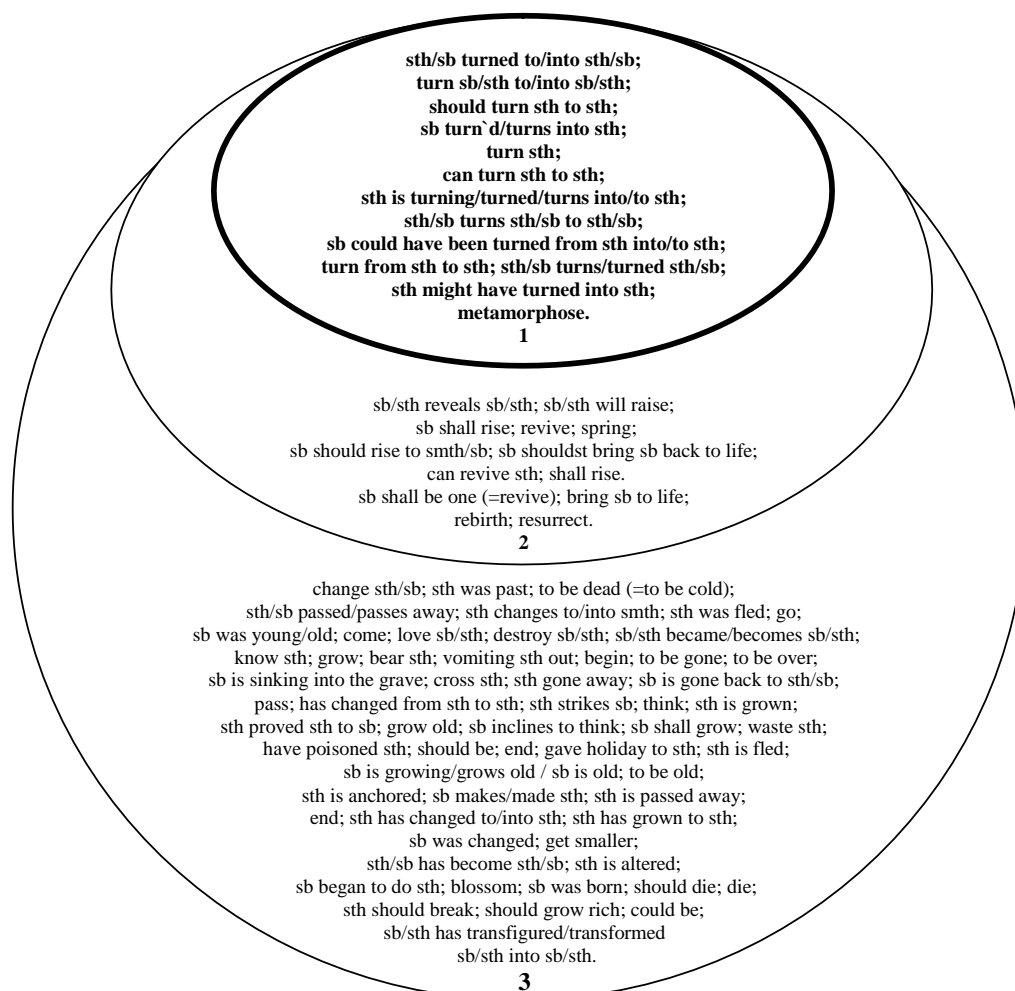


Рис. 1. Семантическое поле предикатов метаморфоз в английских поэтических текстах романтизма, модернизма, постмодернизма

При отсутствии системы падежей в английском языке в английских поэтических текстах выявлены предикаты метаморфозы, семантика которых указывает на превращение. Именно эти предикаты и являются теми сигналами, свидетельствующими о наличии метаморфозы в стихотворении. Выявленные предикаты метаморфозы объединяют её элементы в единое синтаксическое целое, т.к. грамматически и логически размещены рядом. Предикаты метаморфозы эксплицированы в стихах в форме простых или сложных сказуемых, в активном или пассивном залоге, в настоящем, прошедшем или будущем временах.

Проведённый количественный анализ предикатов метаморфоз в романтизме, модернизме и постмодернизме позволяет утверждать, что доминантными являются предикаты с семей “превращения” – 37 % (637 реализаций) и “изменения состояний” – 38 % (653 реализации). Последние вербализированы в стихотворениях в единичных случаях, а предикаты с семей “превращения” наиболее частотны. Предикаты с семей “возрождения” также выявлены в единичных случаях реализации в поэтических текстах и составляют, соответственно, 25 % (430 реализаций).

Экстаполяция и переосмысление теоретического наследия, посвященного исследованию метаморфозы в структурном, логико-семиотическом, семантико-структурном и системном аспектах позволило определить многокомпонентность структуры метаморфозы. В результате проведённого исследования установлено, что метаморфоза состоит из превращаемого (А), превращённого (В), каузатора (С), предикатов превращения (Р). Выявление особенностей реализации метаморфозы в английских поэтических текстах позволило обобщить структуру метаморфозы в виде абстрактной формулы “*A p B под влиянием C*”, которую графически изображаем таким образом (см. Рис. 2):

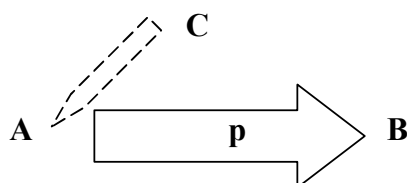
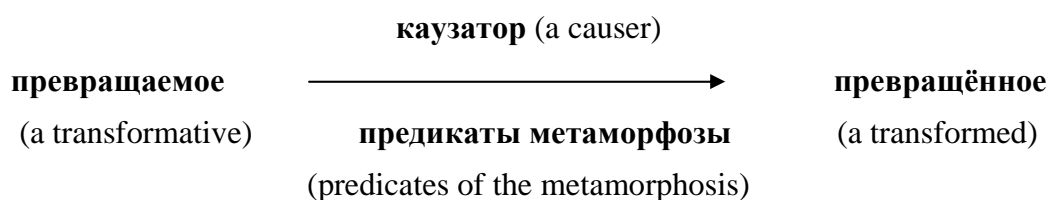


Рис. 2. Абстрактная формула метаморфозы

На основании формулы метаморфозы построен её фрейм НЕКТО / НЕЧТО превращается в ДРУГОЕ под влиянием КАУЗАТОРА (A → B under the influence of C (a CAUSER) (A turns into / transforms into B under the influence of C (a Causer)) (→ графический знак метаморфозы. – О.М.).

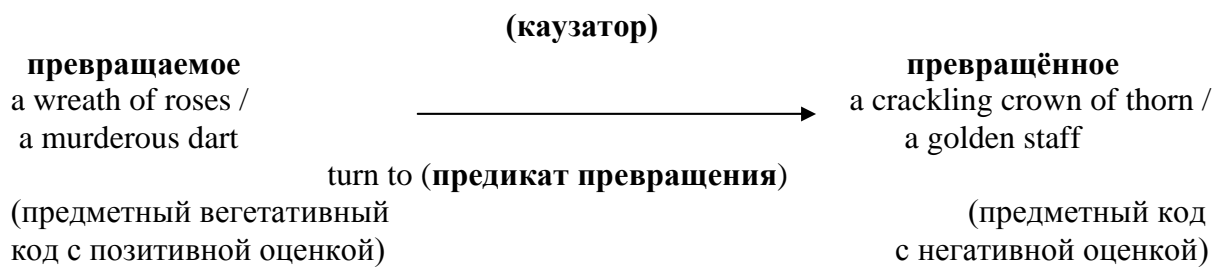
Дальнейший комплексный анализ метаморфозы, направленный на выявление её лингвокогнитивных и лингвосемиотических особенностей, позволил разработать лингво-семиотическую и когнитивно-семиотическую модели метаморфозы, которые позволяют объяснить механизмы образования метаморфозы в поэтическом тексте.

Логико-семиотическая модель метаморфозы отображает логическую связь между знаками, которыми обозначены компоненты метаморфозы:



Лингво-семиотическая модель метаморфозы, кроме указанных компонентов, включает в себя и словесные знаки, которыми выражены элементы метаморфозы в поэтическом тексте, а когнитивно-семиотическая модель содержит концепты и концептуальные метафоры, реконструированные благодаря концептуальному анализу семантики номинативных единиц превращаемого, превращённого и каузатора.

Лингвосемиотический анализ семантики номинативных единиц, обозначающих превращаемое, превращённое метаморфозы, направлен на выявление кодов, зафиксированных в этих компонентах, и построение семиотических моделей метаморфоз. Лингво-семиотическую модель метаморфозы поэтического текста М. Колеридж “*Gifts*” изобразим следующим образом:



Семиотический анализ номинативных единиц превращаемого и превращённого метаморфоз свидетельствует о том, что доминантными семиотическими моделями метаморфоз в романтизме являются:

- антропный код → социальный код (*a child → an adult and rich personality*);
- код чувств и эмоций с позитивной оценкой → код чувств и эмоций с негативной оценкой (*a person in love → a lonely person*);
- антропный код → вегетативный код (*a girl → a flower*);
- вегетативный код → антропный код (*a tree → a young man*);
- сакральный код → профанный код (*paradise → the real life*);
- антропный код → сакральный код (*a person → a smile of God*).

В модернизме и постмодернизме доминантными семиотическими моделями являются такие:

- код чувств и эмоций с позитивной оценкой → код чувств и эмоций с негативной оценкой (*hope or love → false; a person in love → a lonely person*);
- код времени → код природы (*age → inhabited cloud*);
- антропный код → абстрактный код (*I → nothing or an ogre*);
- соматический (телесный) код → предметный код (*lungs → a stone*).

Магистральными концептуальными схемами экстраполяции периода романтизма выступают ЖИВОЕ в НЕЖИВОЕ, МОЛОДОСТЬ в ЗРЕЛОСТЬ, ОДНО ЧУВСТВО И ЭМОЦИЯ в ДРУГОЕ ЧУВСТВО И ЭМОЦИЮ; а в модернизме и постмодернизме – ЖИВОЕ в НЕЖИВОЕ, ОДНО ЧУВСТВО И ЭМОЦИЯ в ДРУГОЕ ЧУВСТВО И ЭМОЦИЮ.

Таким образом, в английских поэтических текстах с метаморфозой эпох романтизма, модернизма и постмодернизма кроме элементов лингво-семиотической модели метаморфозы в номинативных единицах превращаемого и превращённого реконструированы концепты, концептуальные метафоры и концептуальные метонимии. Соответственно, семиотичность метаморфозы выявлена в наличии кодов в компонентах метаморфозы. Когнитивно-семиотическую модель метаморфозы изображаем так (см. Рис. 3, где А – превращаемое, В – превращённое, С – каузатор, Р – предикаты метаморфозы):



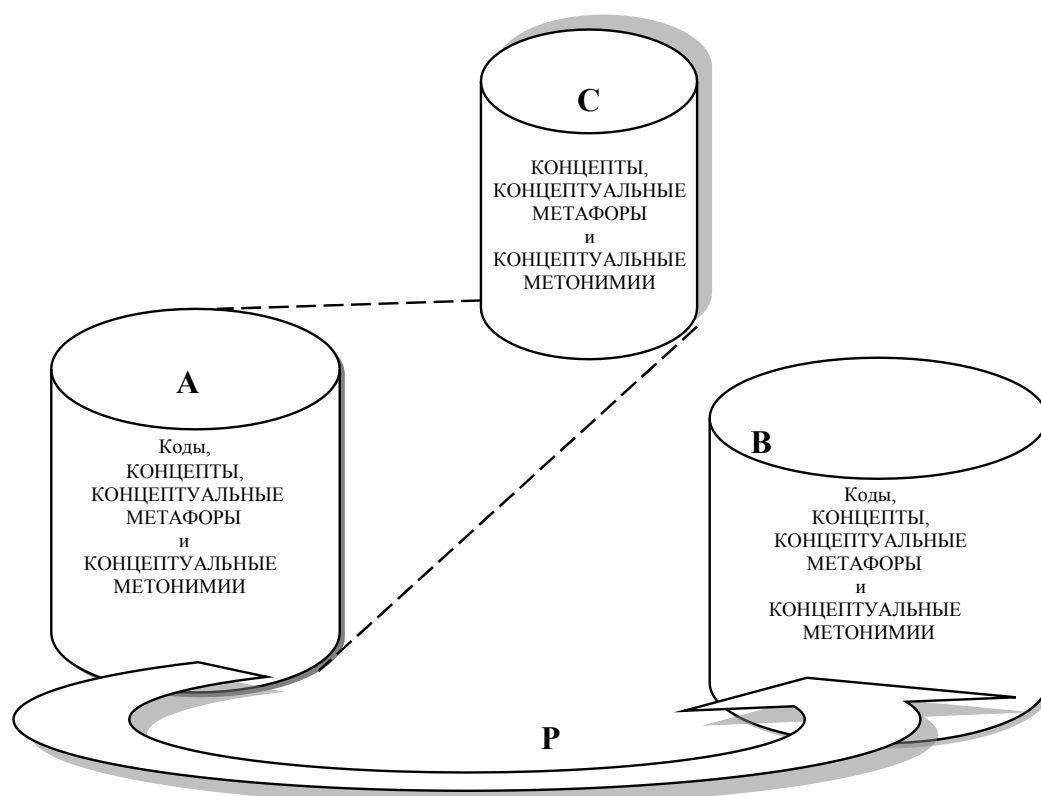


Рис. 3. Когнитивно-семиотическая модель метаморфозы

Реконструкцию концептов и концептуальных метафор в превращаемом, превращённом и каузаторе проиллюстрируем на примере стихотворения М. Блайнд “Marriage”:

*Love springs as lightly from the human heart / As springs the lovely rose upon the brier, / Which turns the common hedge to floral fire, / As Love wings Time with rosy-feathered dart. / But marriage is the subtlest work of art / Of all the arts which lift the spirit higher; / The incarnation of the heart's desire- / Which masters Time - set on Man's will apart. / The Many try, but oh! how few are they / To whom that finest of the arts is given / Which shall teach Love, the rosy runaway, / To bide from bridal Morn to brooding Even. / Yet this - this only - is the narrow way / By which, while yet on earth, we enter heaven [Blind: 155].*

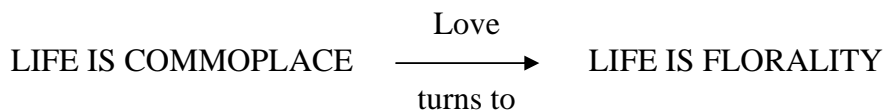
Стихотворение посвящено размышлениям лирической героини о сущности брака и любви. В первых четырёх строках стиха декодируем изменение “любви” (“Love”), “выпрыгивающей” (“springs”) из сердца и “пускающей стрелу” (“wings”), подобно цветущей розе. Любовь “превращает” (“turns to”) “изгородь” (“the common hedge”) в “цветущую изгородь” (“floral fire”). В элементах метаморфозы выявляем превращение “обыденности” (“the common”) в “цветущую любовь” (“the floral love”):

Love

the common       $\longrightarrow$       the floral fire

turns to

В номинативных единицах “обыденность” (“*the common*”) и “цветущий огонь” (“*the floral fire*”) реконструируем концептуальные метафоры ЖИЗНЬ – ОБЫДЕННОСТЬ (LIFE IS COMMONPLACE) и ЖИЗНЬ – ЦВЕТЕНИЕ (LIFE IS FLORALITY):



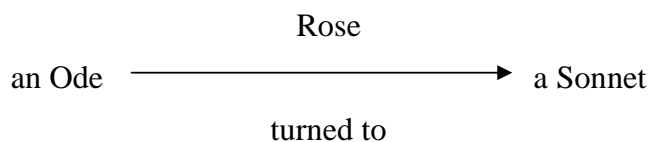
Согласно Дж. Лакоффу и М. Тернеру, к базовым концептуальным метафорам относится метафора LIFE IS BEING PRESENT HERE (ЖИЗНЬ – ПРИСУТСТВИЕ ЗДЕСЬ) [Лакофф 2004: 7–31]. В превращаемом LIFE IS COMMONPLACE и превращённом LIFE IS FLORALITY реконструируем эту базовую концептуальную метафору и полагаем, что она изменилась при помощи механизма улучшения [Никонова 2008: 18–19], т.к. в поэтическом тексте уточняется смысл жизни человека без любви и с её приходом. Жизнь – не существование здесь и сейчас, а процесс, наполненный чувствами и эмоциями. Так, определяем трансформацию одной концептуальной метафоры в другую.

Таким образом, согласно результатам проведённого исследования установлено, что метаморфоза представляет собой тропеическую синтактико-стилистическую фигуру, при помощи которой осуществляется трансформация превращаемого в превращённое при обязательной экспликации причины изменения – каузатора – и предикатов метаморфозы, воплощающих идею превращения, трансформации, возрождения.

Комплексный анализ функционирования метаморфозы в стихотворных текстах английской поэзии XIX–XX веков позволил выявить текстообразующую, апеллятивную, мирозозидающую, пространствоформирующую, семиотическую функции метаморфозы. Текстообразующая функция, реализованная категориями когезии и когерентности, направлена на создание целостности поэтического текста. Воплощение текстообразующей функции метаморфозы проиллюстрируем на примере поэтического текста А. Добсона “*Rose Leaves*”:

*I intended an Ode, / And it turned to a Sonnet. / It began à la mode, / I intended an Ode; / But Rose cross'd the road / In her latest new bonnet; / I intended an Ode; / And it turned to a Sonnet* [Dobson: 651].

Метаморфоза обрамляет поэтический текст, поскольку превращаемым является “ода” (“*an Ode*”), превращённым – “сонет” (“*a Sonnet*”), предикатом – глагол “превратиться” (“*turned to*”) в прошедшем времени, каузатором превращения – “роза” (“*Rose*”), которая символически трактуется нами как девушка. “Роза” (“*Rose*”) написана поэтом с большой буквы, тем самым акцентируется внимание на том, что на голове у девушки была новая шляпка. Не только метафорически, но и символически роза понимается нами как девушка, соответственно, предполагаем, что “Роза” (“*Rose*”) – имя собственное:



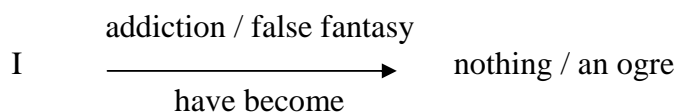
Элементы лингво-семиотической модели метаморфозы (превращаемое “ода” (“*an Ode*”), превращённое – “сонет” (“*a Sonnet*”), предикат – глагол “превратиться” (“*turned to*”)) репрезентированы в стихотворении в составе сложносочинённого предложения (“*I intended an Ode, / And it turned to a Sonnet. / <...>*”). Так, простой или локализованной метаморфозой актуализируется текстовая категория когезии. Данная микросинтаксическая конструкция расположена в инициальной и финальной позициях поэтического текста, а её фрагмент повторяется в медиальной позиции. Благодаря рассредоточенности указанных синтаксических конструкций по всей ткани поэтического текста сложной или дисперсной метаморфозой актуализирована текстовая категория когерентности.

Текстообразующая функция метаморфозы воплощена в английских поэтических текстах при актуализации текстовых категорий когезии и когерентности. Способность превращаемого, превращённого, каузатора, предиката быть расположенными в микросинтаксических конструкциях акцентирует категорию когезии. Когерентность определена логико-семантической, синтаксической, стилистической целостностью между элементами метаморфозы, благодаря которой метаморфоза является синтактико-стилистической фигурой и объединяет поэтический текст в единый текстовый конструкт с идеей превращения. Категория когезии выявлена в стихотворениях с простой или локализованной метаморфозой, категория когерентности – со сложной или дисперсной метаморфозой.

Апеллятивная функция метаморфозы проявляется в стихотворных текстах, выражающих интенцию поэта повлиять на читателя, изменить его мировоззрение, привлечь внимание к глобальным проблемам общества. Данная функция свойственна сложным (дисперсным) метаморфозам, в которых инкорпорированы другие тропы, а именно: метафоры, метонимии, эпитеты и т.д. Например, апеллятивную функцию метаморфозы наблюдаем в стихотворении К. Никсон “*Addiction*”, в котором отображено превращение человека в “ничто”:

*What have I become / in this false fantasy? / Thriving on something sweet, / submerging into another world. / Without it I tumble / transforming into nothing. / I'm locked in a stalemate not capable to stir. / Look closely through my eyes, / as deep as the end of sight. / See! My ailment and do / your very best to repair. / Save me from this ogre / I have become, before / I sit in a dark painful void... / lost inside my addiction* [Nixon: 2].

В поэтическом тексте метаморфоза рассредоточена по всему стихотворению. Лирическая героиня спрашивает себя, во что она превратилась, поскольку “она” (“*I*”) обернулась “ничем” (“*nothing*”), нырнула в другой мир, тёмную пустоту. Ей больно там и она просит освободить её от пустоты и от “чудовища” (“*an ogre*”), которым она стала (“*have become*”). Каузатором этой метаморфозы являются “склонность” (“*addiction*”) и “лживая фантазия” (“*false fantasy*”):



Современность, характеризующаяся обесцениванием существующих морально-этических ценностей, возвращает, на примере предложенного стихотворения, элемент

дидактичности метаморфозе, поскольку в нём представлено переосмысление философской экзистенциальной категории. Человек не способен превратиться в ничто, не смотря на то, что с точки зрения архаического мышления хаос был обёрнут Богом на Вселенную. Поэтический текст заставляет задуматься над тем, насколько чудовищным становится современное молодое поколение, погрузившись в тёмную бездну, растворившись в виртуальном пространстве.

Благодаря наличию в стихотворении каузаторов “склонность” (“*addiction*”) и “лживая фантазия” (“*false fantasy*”) предполагаем, что стихотворение является предупреждением молодому поколению остерегаться чрезмерной увлечённости (“*addiction*”) виртуальной Вселенной – интернетом (“*false fantasy*”). При интерпретации стихотворения выявлена актуальность симулякров, копий действительности в поэтическом творчестве.

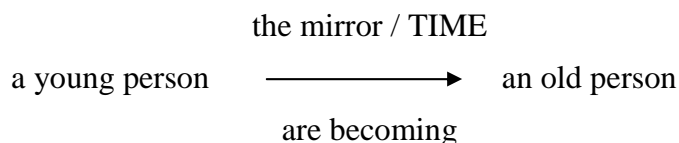
В современном обществе интернет превратился с поисковой системы в виртуальную реальность, симулякр, видение (“*false fantasy*”). Апеллятивность метаморфозы в данном поэтическом тексте определяем в обращении поэтессы к общественности обернуться и не тратить время в интернете, т.к. он представляет собой квинтэссенцию позитивного и негативного и заставляет людей становиться зависимыми.

Мирозозидающая функция состоит в способности метаморфозы отображать игру миров, превращение реальных и нереальных (воображаемых) миров. Путем анализа мирозозидающей функции выделены виды метаморфозы – квазиморфоза и псевдоморфоза. Сигналами квазиморфозы в поэтическом тексте являются союзные слова “*if*”, “*as though*”, “*as if*”, фразы “*It seems*”, “*I’ve dreamed about*”, “*I thought*” / “*in my mind*”, условные придаточные предложения. Сигналом псевдоморфозы – объединение предикатов метаморфозы с модальными глаголами (“*it might have turned into a rage*”) (“*<...> / It might have turned into a rage / But sunny gleams of her eyes / Reduced the raise of temper / And smoothing touch of the embrace / Returned the warmth of ties / <...>*” [Hill: 1]. Квазиморфоза воплощает превращения в грёзах лирических героев поэтических текстов, псевдоморфоза – невозможность изменений в реальном или воображаемом мире. Наличие квазиморфозы в стихотворении с её мирозозидающей функцией выявлено в поэтическом тексте А. Даннета “*Looking Ahead*”:

*You stare in the mirror as if you wish / to go through, your hair clotting with silver / water, to arrive safely under new / lights, to end despair and breathe the good air / of freedom. You are at the border. Cross / now. You see what you are becoming. Wet / arms pull viscously. Your cold face answers / to a kiss or a slap. It is always / summer, you thought, and yet there is a darkness / hurrying in. Up again, then. Move out. / There is another stopping-place beyond. / Legend describes it as an oasis. / You drink and taste only sweetness. After, / in the mirror’s stare, you remember nothing* [Dunnet: 1-2].

Написанный в форме маленького рассказа поэтический текст свидетельствует о том, что человек из “молодого” (“*a young person*”) становится “старым” (“*an old person*”) при наличии предиката “становиться” (“*are becoming*”). Женщина, сидящая у зеркала, видит, как седина покрывает её волосы. Она должна пересечь грань и нырнуть вглубину зеркала, а поэт просит женщину внимательно следить за моментом превращения. При проникновении в бездну зеркала женщина пересекает границу между двумя реальными мирами – миром молодости и миром зрелости. Таким образом, выявляем мирозозидаемость этой квазиморфозы, акцентированной

союзным словом “*as if*”, каузатором которой является “зеркало” (“*the mirror*”), т.к. оно является границей между мирами. В номинативной единице “*the mirror*” реконструируем концепт ВРЕМЯ (TIME):



Миросозидательность метаморфозы выявлена в поэтических текстах, в которых описаны возрастные изменения личности с течением времени, перемены мировоззрения. На фоне исследования указанной функции метаморфозы обнаружена её пространствоформирующая функция, которую понимаем как физические или психологические изменения лирических героев поэтического текста. Горизонтальное изменение художественного пространства выявляем при превращении лирического героя стихотворения из молодого в старого, также изменении чувств, эмоций, состояний, мировоззрения. Вертикальное направление художественного пространства определяем наличием в стихотворении трансформации лирического героя из реального мира в воображаемый, например, при воскрешении после смерти.

Примером воплощения горизонтального направления художественного пространства поэтического текста является стихотворение Ч.С.Калверли “*Changed*”:

*I know not why my soul is racked:/ Why I ne'er smile as was my wont:/ I only know that, as a fact, / I don't. / I used to roam o'er glen and glade / Buoyant and blithe as other folk: / And not unfrequently I made / A joke. / A minstrel's fire within me burned. / I'd sing, as one whose heart must break, / Lay upon lay: I nearly learned / To shake. / All day I sang; of love, of fame, / Of fights our fathers fought of yore, / Until the thing almost became / A bore. / I cannot sing the old songs now! / It is not that I deem them low; / 'Tis that I can't remember how / They go. / I could not range the hills till high / Above me stood the summer moon: / And as to dancing, I could fly / As soon. / The sports, to which with boyish glee / I sprang erewhile, attract no more; / Although I am but sixty-three / Or four. / Nay, worse than that, I've seemed of late / To shrink from happy boyhood—boys / Have grown so noisy, and I hate / A noise. / They fright me, when the beech is green / By swarming up its stem for eggs: / They drive their horrid hoops between / My legs: - / It's idle to repine, I know; / I'll tell you what I'll do instead: / I'll drink my arrowroot, and go / To bed [Calverley: 500-501].*

Превращения в стихотворении сосредоточены вокруг словесного поэтического образа “<...> / *Until the thing almost became / A bore. / <...>*”, в котором номинативной единицей “*вещь*” (“*the thing*”) метафорически имплицирована жизнь лирического героя. В стихотворении речь идёт об изменении мира молодости на мир зрелости, а скрипером, соединяющим эти два разных мира, является указанный словесный поэтический образ, поскольку до него в стихотворении описана молодость лирического героя, а после – зрелость. В словесном поэтическом образе выявляем метаморфозу с предикатом, выраженном глаголом “становиться” (“*became*”). В превращении “*молодого поэта*” (“*a young minstrel*”) в “*человека 63 или 64 лет*” (“*a man of sixty-three or sixty-four*”) содержится превращение “*мира молодости*” (“*the world of youth*”) в “*мир зрелости*” (“*the word of maturity*”). Для лирического героя мир

молодости был наполнен “шуткой” (“*a joke*”) и “поэтическим огнём” (“*a minstrel’s fire*”), которые трансформировались в последствии в “скуку” (“*a bore*”), т.к. он вспоминает юность, полную любви, славы, песен. В возрасте 63 или 64 лет ему остается только выпить целебной настойки и лечь спать, поскольку бурная молодость превратилась в спокойную старость. Так, каузаторм метаморфозы является “время” (“*time*”), а все превращения обобщаем в линво-семиотической модели метаморфозы, отображающей перемену миров, “мира молодости, полной шуток и поэтического огня” (“*the world of youth full of joke and minstrel’s fire*”) в “мир старости, полной скуки и пустоты” (“*the world of senility full of emptiness*”):

|  |        |  |   |
|--|--------|--|---|
|  | (time) |  |   |
| the world of youth full of joke<br>and minstrel`s fire | →      |  | the world of senility full of emptiness |
|  | became |  |   |

В предложенном поэтическом тексте с метаморфозой, воплощённой в словесном поэтическом образе, определяем изменения лирического героя в художественном пространстве поэтического текста на фоне изменения миров. В мире молодости устанавливаем наличие глаголов “*used to roam*” (“*пришлось странствовать*”), “*made*” (“*делать*”), “*burned*” (“*гореть*”), “*learned*” (“*учиться*”), “*sang*” (“*петь*”) в прошедшем времени. Мир зрелости наполнен глаголами “*cannot / can`t*” (“*не в состоянии*”), “*deem*” (“*полагать*”), “*hate*” (“*ненавидеть*”). Превращаемое в мире молодости, молодой лирический герой, акцентирован в строфе “*<...> / I used to roam o'er glen and glade / <...>*”, превращённое – зрелый лирический герой – “*<...> / Although I am but sixty-three / Or four. / <...>*”. Таким образом, выявляем оппозицию между прошедшим и настоящим временами в этих синтаксических конструкциях.

Предполагаем, что мирозозидающая функция определяет и движение или направление пространства поэтического текста по горизонтальной оси. Перемены событий в жизни, изменение молодого человека в старого с годами, эмоционального состояния человека, происходят в реальном текстовом мире и должны занимать определённый промежуток времени. В оппозиции прошедшего и настоящего грамматических времён в стихотворении, а также при наличии наречия “*now*” (“*теперь*”) в мире зрелости, устанавливаем горизонтально ориентированную метаморфозу. Словесный поэтический образ с метаморфозой “*<...> / Until the thing almost became / A bore. / <...>*” не только активизирует наличие превращения жизни лирического героя в грусть, а и свидетельствует о наличии горизонтального направления линейного художественного пространства в направлении “назад” – “вперёд”. Метаморфоза интенсифицирует это направление, поскольку под отправным пунктом изменения пространства “назад” понимаем мир молодости, а под пунктом “вперёд” – мир зрелости. Синтаксические конструкции “*<...> / I used to roam o'er glen and glade / <...>*” :: “*<...> / Although I am but sixty-three / Or four. / <...>*”; глаголы “*used to roam*”, “*made*”, “*burned*”, “*learned*”, “*sang*” :: “*cannot / can`t*”, “*deem*”, “*hate*”; наречие “*now*” являются маркерами горизонтальной оси трансформации миров в пространстве поэтического текста. Приходим к выводу, что на фоне мирозозидающей функции метаморфозы существует и пространствоформирующая, горизонтальное направление которой проиллюстрируем так (см. Рис. 4):

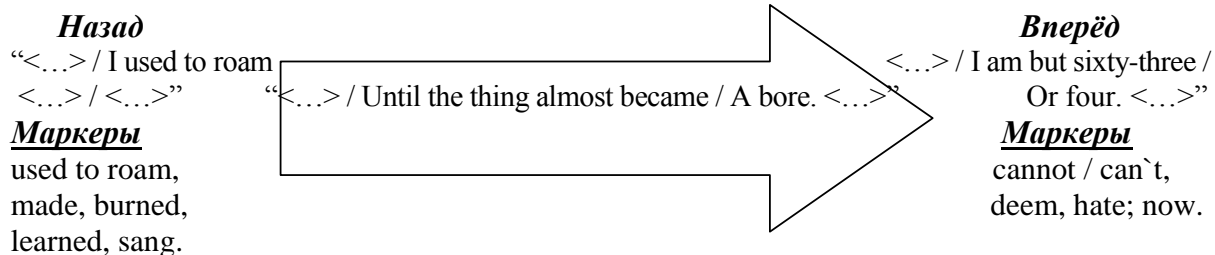


Рис. 4. Горизонтальная ось пространствоформирующей функции метаморфозы

Превращение реального мира в квазиреальный, такой, который человечество только представляет, делает возможной вертикальное изменение пространства поэтического текста. Высказанную гипотезу подтвердим стихотворением Ч. Косли “*Miller`s end*”:

*When we moved to Miller`s End, / Every afternoon at four / A thin shadow of a shade / Quavered through the garden-door. / Dressed in black from top to toe / And a veil about her head / To us all it seemed as though / She came walking from the dead. / With a basket on her arm / Through the hedge-gap she would pass, / Never a mark that we could spy / On the flagstones or the grass. / When we told the garden-boy / How we saw the phantom glide, / With a grin his face was bright / As the pool he stood beside. / `That`s no ghost-walk,` Billy said. / `Nor a ghost you fear to stop – / Only old Miss Wickerby / On a short cut to the shop.` / So next day we lay in wait, / Passed a civil time of day, / Said how pleased we were she came / Daily down our garden-way. / Suddenly her cheek is paled, / Turned, as quick, from ice to flame. / `Tell me,` - said Miss Wickerby. / `Who spoke of me, and my name?` / `Bill the garden-boy.` She sighed, / Said, `Of course, you could not / know / How he drowned – that very pool – / A frozen winter – long ago.` [Causley: 134-137].*

В поэтическом тексте содержатся две метаморфозы, первая из которых – превращение “ледяной щеки женщины” (“*an iced cheek*”) в “пылающую” (“*a flamed cheek*”) с предикатом “превратиться” (“*turned from smth., to smth.,*”), выраженным глаголом в прошедшем времени:

an iced cheek       $\longrightarrow$       a flamed cheek  
turned from smth., to smth.,

В стихотворении речь идёт о старухе, Мисс Викарбай, которую прохожие считали привидением, т.к. каждый вечер она проходила поблизости, подобно тонкой тени в чёрном. Женщина не оставляла следов на траве, поэтому прохожие спросили о ней у мальчика-садовника Билли. Именно он развеял сомнения и ответил, что женщина была не привидением, а старой Мисс Викарбай. Последняя, узнав от прохожих, кто развеял их сомнения, покраснела и ответила, что с ними разговаривал мальчик, утонувший много лет назад. Сравнение Мисс Викарбай с привидением в тексте, актуализация глагола “казаться” (“*seemed*”), свидетельствуют о превращении реального “мира живых” (“*the world of alive*”) в квазиреальный, воображаемый “мир привидений” (“*the world of ghosts and phantoms*”). Благодаря наличию фразы “<...> / *Turned, as quick, from ice to flame.* / <...>” происходит превращение этих миров, в которых герои занимают свои места.

Мисс Викарбай очутилась в мире живых, а мальчик-садовник Билли – в мире привидений. В стихотворении выявляем наличие трансформации реального мира в квазиреальный, поскольку мы только верим в мир привидений и не уверены в его достоверности. Прохожие ошибочно перепутали женщину с привидением, а предложение с метаморфозой (внезапное покраснение бледных щёк Мисс Викарбай) расставляет всё на свои места. Поэтому строка “<...> / *Turned, as quick, from ice to flame.* / <...>” со всеми элементами лингво-семиотической модели метаморфозы является каузатором превращения миров в этом тексте:

“<...> / *Turned, as quick, from ice to flame.* / <...>”  
 the world of alive                    →                    the world of ghosts and phantoms

Стихотворение является образцом энигматической символики, поскольку в тексте пересекаются реальный и воображаемый миры, живые люди и привидения, голос и молчание. Происходит мистическая встреча живых и мертвых, метаморфоза миров, где истинным выступает мир привидений, а ложным – мир реальности. Эти два мира зеркально противоположны один другому и отображаются в предложении “<...> / *Turned, as quick, from ice to flame.* / <...>”, после которого понятно их логическое положение в тексте.

Пространствоформирующую функцию метаморфозы в горизонтальной направленности выявляем в поэтических текстах на фоне изменения одного реального мира в другой – реальный при перемене эмоций, чувств, состояния, возраста, мировоззрения лирических героев. Трансформация реального мира в воображаемый, представляемый (квазиреальный) свидетельствует о наличии в стихотворении пространствоформирующей функции метаморфозы в вертикальной направленности. В анализируемом поэтическом тексте вертикальная ось указанной функции подчиняется направлению “верх” – “низ”. Смерть ассоциируется у человечества с движением “вниз”, а воскрешение – с движением “вверх”. В стихотворении установлена игра и переверот текстовых миров: прохожие думали, что Мисс Викарбай была привидением и это ошибочное предположение интенсифицировано словесными поэтическими образами “<...> / *She came walking from the dead.* / <...>”, “<...> / *A thin shadow of a shade / Quavered through the garden-door.* / <...>”; метафорическими эпитетами “*a thin shadow*” (“тонкая тень”), “*the phantom glide*” (“плавное движение привидения”).

Мёртвым был мальчик-садовник Билли, который воскрес и разговаривал с прохожими рядом с прудом, в котором когда-то утонул (“<...> / *With a grin his face was bright / As the pool he stood beside.* / <...>”). Строфа с метаморфозой “<...> / *Turned, as quick, from ice to flame.* / <...>” является медиатором между миром живых и миром мёртвых, позволяет интерпретировать логическое расположение Мисс Викарбай в мире живых, а мальчика-садовника Билли – в мире мёртвых. Таким образом, выявляем на примере этого стихотворения вертикальное изменение пространства. Прохожие поняли, что привидение – это мальчик, а в финале поэтического текста выявлен глагол “*drowned*” (“утонуть”), семантика которого интенсифицирует движение “вниз”.

Воскрешение мальчика в реальном мире живых из воображаемого мира мёртвых и есть тем движением “вверх” в образе “*привидения*” (“*a ghost*”). Именно эта



номинативная единица повторяется до строки с метаморфозой (“<...> / *Turned, as quick, from ice to flame.* / <...>”) в мире живых (“*the phantom*” = “*the ghost*”, “*ghost-walk*”, “*a ghost*”) и является маркером вертикальной оси пространствоформирующей функции метаморфозы (см. Рис. 5):

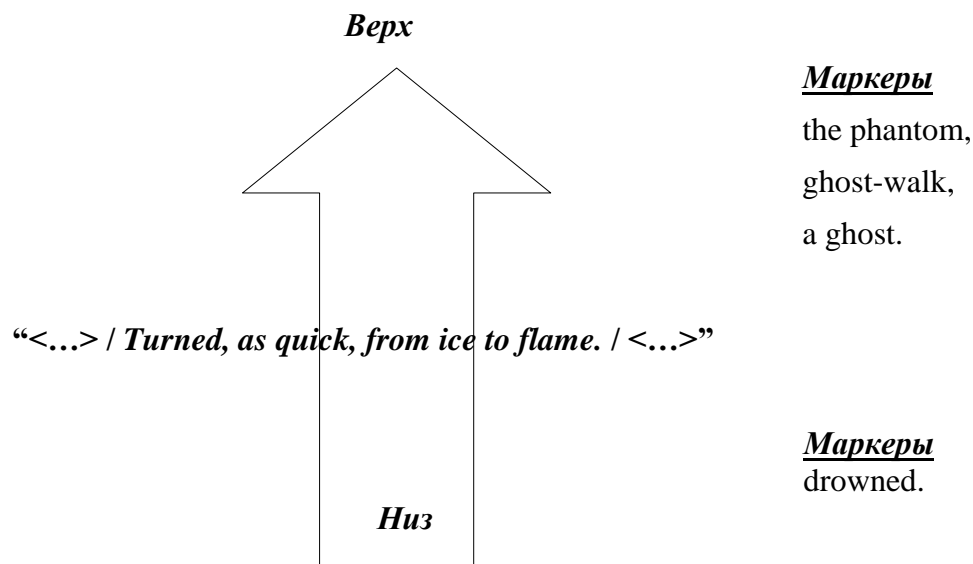


Рис. 5. Вертикальная ось пространствоформирующей функции метаморфозы

Пространствоформирующая функция метаморфозы в горизонтальной направленности акцентирована в поэтических текстах при доминировании грамматического аспекта в маркерах этой функции. Вертикальная направленность отмечена при доминировании семантического критерия в маркерах этой функции. Пространствоформирующая функция метаморфозы выявлена в английских поэтических текстах во время исследования мирозозидающей функции и отдельно от неё в стихотворениях не акцентирована, поскольку отсутствие мирозозидающей функции привлекает внимание к текстовым категориям проспекции и ретроспекции, а также ориентационным концептуальным метафорам.

В романтических, модернистских и постмодернистских метаморфозах воплощена семиотическая функция через семиотические механизмы кодирования и декодирования ценностей путём воплощения кодов и символов в номинативных единицах превращаемого и превращённого. В поэтическом наследии Англии выявлено слияние кодов при изменении их оценки и перемене одного кода на такой же самый. Согласно проведённому исследованию воплощения семиотической функции метаморфозы в английских поэтических текстах в превращаемом, превращённом и каузаторе выявлены символы, которые обобщены в таблицах (см. Табл. 1 и Табл. 2):

Таблица 1

## Символы романтической метаморфозы

| Превращаемое      | Превращённое             | Каузаторы |
|-------------------|--------------------------|-----------|
| a ladybird        | sea / ocean              | the Cupid |
|                   | the rose                 | the worm  |
| a swallow         | an apple-tree / an apple |           |
| water             | a sty (the swine)        | a serpent |
| a wreath of roses | ocean                    |           |
| a dart            | a golden staff           | a dog     |
| the garden        |                          |           |
| the Cupid         |                          |           |
| a chapel          |                          |           |
| a red rose        | a white rose             |           |
|                   | a crown of thorn         |           |

Таблица 2

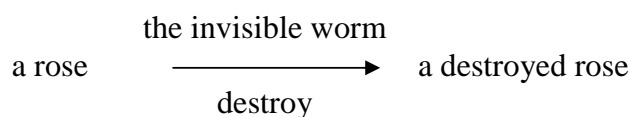
## Символы модернистской и постмодернистской метаморфозы

| Превращаемое | Превращённое      | Каузаторы   |
|--------------|-------------------|-------------|
| a rose       | rain              | a rose      |
| a soldier    |                   | a butterfly |
| sea          | sky               | the worm    |
| the flower   | a dust of England |             |
|              | water             |             |
|              | the quicksand     |             |
|              | wind              |             |
| blood        |                   |             |

В качестве примера предлагаем стихотворение В.Блейка *“The Sick Rose”*:

*O Rose, thou art sick! / The invisible worm, / That flies in the night, / In the howling storm, / Has found out thy bed / Of crimson joy; / And his dark secret love / Does thy life destroy* [Blake: 166–167].

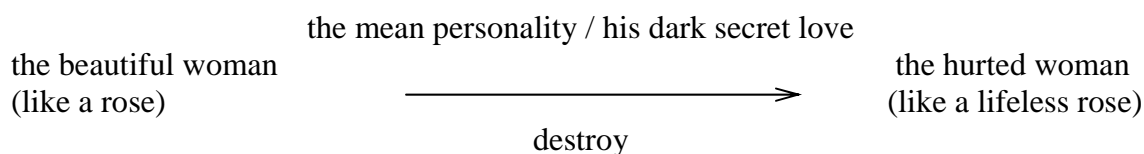
В поэтическом тексте семиотическая функция метаморфозы воплощена благодаря наличию символов в превращаемом и превращённом. Так, превращаемое метаморфозы предлагаемого стихотворения выражено номинативной единицей *“роза”* (*“a rose”*), которая является культурологическим символом. Превращённым – *“повреждённая роза”* (*“a destroyed rose”*), предикатом является глагол *“разрушить”* (*“destroy”*), а каузатором – *“невидимый червь”* (*“the invisible worm”*):



Роза – символ женской красоты, а червь – символ разрушения [Бидерман 1996: 175–185]. Символически метаморфозу поэтического текста можно трактовать не только как превращение цветка, а и как превращение или гибель девушки из-за любви к подлому человеку, причине этой метаморфозы. В поэтическом тексте

вегетативный код и код чувств и эмоций не меняются, а трансформируется оценка с позитивной на негативную.

Соответственно, модель метаморфозы приобретает такой вид:



Исследование особенностей функционирования метаморфозы в английских поэтических текстах XIX–XX веков показало, что в романтизме, модернизме и постмодернизме доминирующей функцией является мирозозидающая и пространствоформирующая. Результаты исследования функций метаморфозы обобщены в таблице (см. Табл. 3):

Таблица 3

**Обобщённое процентное и количественное соотношение реализации функций метаморфозы в английских поэтических текстах романтизма, модернизма и постмодернизма**

| <i>Функции метаморфозы</i>                      | <i>Культурно-исторические периоды</i> |                                |                           |                                |  |                                |
|---|---------------------------------------|--------------------------------|---------------------------|--------------------------------|--|--------------------------------|
|   | Романтизм                             |                                | Модернизм и постмодернизм |                                | Романтизм, модернизм и постмодернизм (обобщение результатов количественного подсчёта реализации функций) |                                |
|   | %                                     | Количество реализаций в стихах | %                         | Количество реализаций в стихах | %  | Количество реализаций в стихах |
| <i>Текстообразующая</i>                         | 35 %                                  | 469                            | 23 %                      | 86                             | 41 %   | 705                            |
| <i>Мирозозидающая и пространствоформирующая</i> | 42 %                                  | 563                            | 47 %                      | 177                            | 33 %   | 568                            |
| <i>Семиотическая</i>                            | 15 %                                  | 203                            | 9 %                       | 36                             | 18 %   | 310                            |
| <i>Апеллятивная</i>                             | 8 %                                   | 107                            | 21 %                      | 79                             | 8 %  | 137                            |

### 3. Выводы

Таким образом, в английских поэтических текстах с метаморфозой главная роль принадлежит текстообразующей функции. Наличие символов и симулякров в словесных знаках превращаемого, превращённого и каузатора позволило установить достаточный процент семиотической функции. Превращение одного реального мира в другой – реальный, а также реального мира в воображаемый в стихотворениях с метаморфозой обуславливает высокий процентный показатель мирозозидающей и пространствоформирующей функций. Апеллятивная функция

составляет наиболее низкий показатель. Полученные результаты являются доказательством уменьшения дидактичности метаморфозы в сравнении с мифологическими и фольклорными метаморфозами и окончательно свидетельствуют об оформлении метаморфозы тропеической синтактико-стилистической фигурой [Москвичова 2014].

## ЛИТЕРАТУРА

1. Бидерман Г. Энциклопедия символов / Ганс Бидерман. – М. : Республика, 1996. – 329 с.
2. Бондаренко Е.В. ВРЕМЯ как лингвокогнитивный феномен в англоязычной картине мира : монография / Евгения Валерьевна Бондаренко. – Харьков : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2009. – 377 с.
3. Белехова Л.І. Словесний образ в американській поезії : лінгвокогнітивний аспект / Лариса Іванівна Белехова. – М. : ООО «Звездапад», 2004. – 376 с.
4. В двух измерениях : Современная британская поэзия в русских переводах. – М. : Новое литературное обозрение, 2009. – 528 с.
5. Веселовский А.Н. Избранное : Историческая поэтика / Александр Николаевич Веселовский. – СПб. : Университетская книга, 2011. – С. 417–495.
6. Дикарева Л.Ю. Міфопоетика метаморфози і способи її об'єктивації у художньому мовленні : лінгвосоціотичний аспект (на матеріалі прози М.В. Гоголя та М.О. Булгакова) : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.02 / Дикарева Лариса Юріївна. – К., 2003. – 234 с.
7. Крохмальний Р.О. Українська романтична поезія 20–60-х років ХІХ століття : модуль метаморфози : дис. ... канд. філол. наук : 10.01.01 / Крохмальний Роман Олексійович. – Львів, 1997. – 188 с.
8. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живём / Джордж Лакофф, Марк Джонсон. – М. : УРСС, 2004. – 253 с.
9. Лотман Ю.М. Семиосфера / Юрий Михайлович Лотман. – СПб. : Искусство – СПб, 2001. – С. 670–673.
10. Москвичова О.А. Метаморфоза у віршованих текстах англійської поезії ХІХ–ХХ століть : лінгвосоціотичний та лінгвокогнітивний аспекти : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Москвичова Оксана Анатоліївна. – Херсон, 2014. – 263 с.
11. Нечуй-Левицький І. Світогляд українського народу. Ескіз української міфології / Іван Нечуй-Левицький. – К. : Обереги, 2003. – С. 110–121.
12. Ніконова В.Г. Концептуальний простір трагічного в п'єсах Шекспіра : поетико-когнітивний аналіз : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Віра Григорівна Ніконова. – К., 2008. – 34 с.
13. Потебня А.А. Слово и миф / Александр Афанасьевич Потебня. – М. : Правда, 1989. – С. 285–286.
14. Слухай Н.В. Етноконцепти та міфологія східних слов'ян в аспекті лінгвокультурології / Наталя Валентинівна Слухай. – К. : КНУ, 2005. – 167 с.
15. Степанов Ю.С. Протей : очерки хаотической эволюции / Юрий Сергеевич Степанов. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 147.

16. Якобсон Р. Из воспоминаний / Роман Якобсон // Мир Велимира Хлебникова. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 83–89.
17. Dunnett Alan Selected Poetry [Электронный ресурс] / Alan Dunnett // Режим доступа : <http://www.alandunnett.co.uk>. – Р. 1–2.
18. Poets` Corner. Selected Poetry [Электронный ресурс] // Режим доступа : <http://www.theotherpages.org/poet`scorner>. – 2496 p.

## REFERENCES

- Belekhova, L.I. (2004). *Slovesniy obraz v amerikanskiy poeziji: lingvokognitivniy aspekt. [Verbal Image Space of American Poetry: Cognitive Perspective]*. Moscow: The Starfall.
- Biderman, G. (1996). *Entsiklopediya simvolov. [Encyclopedia of Symbols]*. Moscow: The Republic.
- Bondarenko, Y.V. (2009). *VREMJA kak lingvokognitivnij fenomen v anglojazichnoy kartine mira. [TIME as Linguistic and Cognitive Phenomenon in the English World Image]*. Kharkov: Vasyl Karazin Kharkiv National University.
- Dikareva, L.Y. (2003). *Mifopoetika metamorphozi i sposobi yiyi objektivatsii u hudozhnomu movlenni: lingvosemiotichniy aspekt (na materialy prozi N.V. Gogolya ta M.A. Bulgakova). Diss. kand. filol. nauk. [Mythopoetics of metamorphosis and ways of its representation in the language of prose in the lingual-semiotic perspective (based on the materials of N. Gogol's and M. Bulgakov's works). Cand. philol. sci. diss.]*. Kyiv. (in Russian).
- Dunnett, A. (2015). *Selected Poetry* [Electronic Resource]. – Available from: <http://www.alandunnett.co.uk>
- Jacobson, R. (2000). *Iz vospominaniy. [From the Remembrance]*. Moscow: The Languages of the Russian Culture.
- Krokhmalniy, R.O. (1997). *Ukrainska romantichna poeziya 20 – 60<sup>h</sup> rokiv XIX stolittya: modul` metamorphozi. Diss. cand. filol. nauk. [The Ukrainian Romantic Poetry of the 20-60<sup>th</sup> of the XIX Century: the Module of the Metamorphosis. Cand. philol. sci. diss.]*. Lviv. (in Ukrainian).
- Lakoff, G. (2004). *Metafory, kotorymi my zhivem. [Metaphors We Live By]*. Moscow: URSS.
- Lotman, Y.M. (2001). *Semiosphera. [Semiosphere]*. St-Petersburg: The Art.
- Moskvichova, O.A. (2014). *Metamorphoza u virshovanih textah anglijskoji poezii XIX-XX stolit` : lingvosemiotichniy ta lingvokognitivniy aspekti. Diss. cand. filol. nauk. [Metamorphosis in Poetic Texts of the English Poetry of the XIX-XX<sup>th</sup> Centuries: Linguistic, Semiotic and Cognitive Perspective. Cand. philol. sci. diss.]*. Kherson. (in Ukrainian).
- Nechuy-Levitskiy, I. (2003). *Svitoglyad ukrainskogo narodu. Eskiz ukrainskoyi miphologii. [The Viewpoint of the Ukrainian People. Sketch of Ukrainian Mythology]*. Kyiv: The Guard.
- Nikonova, V.G. (2008). *Kontseptualniy prostir tragichnogo v pyesah Shekspira: poetico-kognitivniy analiz. Aftoref. diss. dokt. filol. nauk. [Conceptual Space of the Tragic in Shakespeare's Plays: A Cognitive-Poetic Analysis. Author`s summary dr. philol. sci. diss.]*. Kyiv. (in Ukrainian).

- Poets` Corner. Selected Poetry* [Electronic Resource]. – Available from: <http://www.theotherpages.org/poet`scorner>
- Potebnya, A.A. (1989). *Slovo i mif. [Word and Myth]*. Moscow: The Truth.
- Slukhay, N.V. (2005). *Etnokontsepti i mifologiya shidnih slovyan v aspekti lingvokulturologii. [Ethnic Concepts and Mythology of the Eastern Slavs in the Aspect of the Linguistic Culture]*. Kyiv: Kyiv National University.
- Stepanov, Y.S. (2004). *Protey: ocherki haoticheskoy evolutsii. [Protey: the Sketch of the Chaotic Evolution]*. Moscow: The Languages of the Slavic Culture.
- V dvuh izmereniyah: Sovremennaya britanskaya poeziya v ruskih perevodah. (2009) [In Two Dimensions: The Modern English Poetry in the Russian Translation.]*. Moscow: The New Literary Review.
- Veselovskiy, A.N. (2011). *Istoricheskaya poetika. [Historical Poetics]*. St-Petersburg: The University Book.

**Москвичёва Оксана Анатольевна** – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского и турецкого языков факультета переводоведения Херсонского государственного университета (ул. 40 лет Октября, 27, Херсон, 73003); e-mail: [moskvi-oksana@yandex.ru](mailto:moskvi-oksana@yandex.ru).